

Максим Фролов

В поисках Фиолетова...

Летом 1965 года из печати вышел 74-й том академической серии «Литературное наследство» под названием «Из творческого наследия советских писателей». В разделе, посвященном Э.Г. Багрицкому, была опубликована первопроходческая работа Н.Д. Эфрос «Рисунки поэта», основанная на материалах, собранных и систематизированных М.Э. Голосовкер, в 1935-1949 гг. – заведующей сектором художественной иллюстрации ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР. Речь в этой примечательной во всех отношениях публикации шла о рисунках поэта 1911-1934 гг., сохранившихся в двух архивах – Отделе рукописных фондов ИМЛИ (в настоящее время – Отдел рукописей, личный фонд Багрицкого, № 33) и Государственном литературном музее. В главе, посвященной рассказу о портретах поэтов и писателей, созданных Багрицким, Н.Д. Эфрос, в частности, отметила: «Среди изображенных Багрицким писателей преобладают его современники – представители советской литературы (привожу имена в алфавитном порядке): Ардов, Бабель, Безыменский, Беккер, Блок, Брюсов, Воронский, Горький, Грин, Есенин, Зелинский, Зозуля, Ильенков, Луначарский, Макарьев, Пастернак, Петников, Полонский, Сенченко, А.Н. Толстой, Фиолетов, Эренбург (отдельные из них изображены в нескольких вариантах)».

Отталкиваясь от этого краткого упоминания, не содержащего решительно никаких дополнительных сведений (техника и материал рисунка, его приблизительная датировка и т. д.), я и осуществлял поиски портрета Анатолия Фиолетова в личном фонде Багрицкого в ИМЛИ. Тем интереснее и увлекательнее была задача...

Рисунки Эдуарда Багрицкого

Перелистывая рисунки поэта – иногда беглые наброски, лишь намечающие черты изображаемых лиц, иногда проработанные до мельчайших деталей портреты, – испытываешь совершенно особое чувство: ты не только зритель, но и читатель (ведь рисунки Багрицкого сродни его поэтическим текстам – в них мы также сталкиваемся со взглядом поэта и взглядом художника в равной степени), ощущаешь отношение автора к тем, чей облик его рука запечатлела на бумаге. Все они – след работы творческого воображения и пристального взгляда поэта, от которого не утаилась ни одна деталь – мимика, жест, элемент одежды, нередко – ярко выраженная возрастная и даже социальная характеристики.

Поиски я начал с рукописи «Трактира» – поэмы (или, по авторскому определению, «опыта лирико-эпической сатиры»), посвященной Фиолетову, с которым Багрицкий был в дружеских отношениях с начала 1910-х годов. На последней, разорванной пополам странице автографа мною был обнаружен рисунок, исполненный в авангардной, можно даже сказать, кубистической манере и изображающий мужскую фигуру, форме которой уже самой техникой придана значительность, может быть, даже – некоторая монументальность. Не имею оснований утверждать, что этот рисунок изображает Фиолетова, но все же не могу не привлечь во внимание его расположение – на полях рукописи произведения, посвященного ему.

Далее, просматривая полный корпус сохранившихся в ОР ИМЛИ рисунков Багрицкого, я обратил внимание на некоторые рисунки, в которых заметил порой почти неуловимое, а в ряде случаев – хоть и неполное, но заметное сходство с сохранившимися фотографиями Фиолетова.

На одном из них, нарисованном тушью и изображающем молодого, почти юного художника с палитрой в руках рядом с коллегой, но не сверстником, а представителем более позднего поколения. В глаза бросается именно молодость изображенного человека (вспомним, что Фиолетов трагически погиб в возрасте 21 года). На другом рисунке, сохранившемся на талоне к почтовому денежному переводу и представляющем собой скорее шуточный рисунок, почти шарж, также присутствуют характерные черты Фиолетова (немного выступающий лоб, посадка глаз

и т. д.). Третий рисунок, выполненный синим и красным цветными карандашами, сообщает изображаемому лицу романтичность, возможно даже – полётность – всему сложившемуся образу. Кроме того, расположенная в верхнем правом углу подпись может служить косвенным основанием для того, чтобы рассматривать его в ряду потенциально возможных портретов Фиолетова.

Два других рисунка, выполненных карандашом в острохарактерной манере (почти готовые книжные иллюстрации), – портреты персонажей, принадлежащих к разным социальным слоям. Портрет немолодого мужчины в монокле, с курительной трубкой, в клетчатом пиджаке выдает в нем представителя той группы людей, которую именовали презрительно «нэпманами». Если представить себе сильно состаренного и шаржированного Фиолетова, то некоторые характерные черты проступают и в этом изображении. Второй персонаж – представитель, как я полагаю, уголовного мира. Об этом свидетельствует и подпись Багрицкого: «Мóтыль», – и некоторые детали портрета – головной убор, прическа, папироса. Говоря об этих двух рисунках, я отдаю себе отчет в том, что это не в прямом смысле слова возможные портреты Фиолетова. Нет, ни в коей мере. Вернее будет сказать, как я уже отмечал, что, создавая рисунок, Багрицкий мог вспомнить своего друга юности и невольно, подсознательно придать некоторые его черты своим героям.

Последние три рисунка, с которыми мы хотели бы познакомить читателей, – разной степени сходства с нашим героем, но, как и предыдущие, – одинаково высокого мастерства. Первый из них, изображающий молодого человека в профиль, находится на небольшом листке бумаги по соседству с еще одним портретным наброском и служит еще одним подтверждением мастерства Багрицкого-графика. В нем, несмотря на крайне небольшой размер, основательно прорисовано лицо, шея, а воротник сорочки уже слегка намечен. Второй портрет, на мой взгляд, изображает человека, несомненно, артистической профессии – поэта, писателя, художника. Об этом говорит гордая независимая поза, вдохновенный утонченный жест, детали одежды (художническая кофта с высоким воротником, едва различимый, но заметный шарф у шеи). Наконец, в последнем рисунке, выполненном тушью

в оригинальной манере, автор как будто нарочно подчеркивает крупные черты изображаемого лица, другими словами – они представлены в немного гипертрофированном виде. Обращают на себя внимание главным образом глаза и рука, изображение которых несет в себе основной эмоциональный посыл. Герой будто бы запечатлен в нехарактерной для себя позе, но очень выразительной в глазах зрителя. В этом портрете, как и в других представленных в нашей публикации, автор не оставил без внимания прорисовку деталей одежды как одно из его излюбленных средств характеристики персонажа (попробую осторожно предположить, что перед нами – портрет Г.Н. Петникова, впрочем, настаивать на этом у меня нет никаких оснований).

Завершая этот обзор, хотелось бы подчеркнуть, что, поставив себе цель найти портрет Фиолетова работы Багрицкого, который до сегодняшнего дня не был найден, атрибутирован и опубликован, я в процессе поиска, который даже и сейчас нельзя считать полностью завершенным, пришел к убеждению, что сам по себе поиск способствовал максимально близкому знакомству с наследием Багрицкого – художника-графика, знакомству не только с этой неотъемлемой частью его творческого наследия, но и с индивидуальной техникой его работы, неповторимым стилем и исключительной наблюдательностью.

Приношу благодарность за активное содействие в поисках рисунков Багрицкого и предоставленные для публикации их фотографии (ОР ИМЛИ, ф. 33, оп. 1, ед. хр. 43, 717, 730, 733, 747, 831, 832, 854, 857) зам. директора и зав. ОР ИМЛИ Д.С. Московской, хранителю архива и зав. научно-справочным аппаратом ОР ИМЛИ Н.В. Петровой, ученому секретарю и зав. чит. залом ОР ИМЛИ М.Л. Федорову и с. н. с. ОР ИМЛИ О.А. Симоновой.

